

УДК 910.1 (338.984.001)

В.Н. Бочарников**ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ И ИНДИВИДУАЛИЗМ,
ВОСПРИЯТИЕ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОБРАЗ —
ВАЖНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ**

Рассматриваются индивидуальные аспекты восприятия географического пространства, обсуждается необходимость интеграции феноменологического и конструктивистского подходов в разработке актуальных теоретических аспектов социально-экономической географии.

Ключевые слова: индивидуальность; географический образ; восприятие; геопространство; теория социально-экономической географии

Мир, в котором мы живем, невероятно усложнился по сравнению с миром предшествующих поколений, и прошлый опыт все реже служит надежным компасом в быстро меняющемся мире. Фундаментальным средством в человеческом развитии выступает познание, и так на протяжении существования всей философии неизменно ставится вопрос «Что я могу знать?». Со времен Декарта позиция теоретического знания как универсального и единственно достоверного постоянно укреплялась, и в XX в. пришло понимание того, что в науке, несмотря на ее строгую рациональность, наблюдается много иррационального, метафорического, что существенным образом воздействует на процесс современного научного познания. Современному человеку предписывается, скорее, быть «здесь и сейчас», чем обращаться к последовательному перебору вариантов с помощью метода проб и ошибок. Видный отечественный психолог В.Ф. Петренко исходит из представления о том, что знания не являются калькой («отражением») реальности, а конструируются субъектом, и в этой связи системность проявляется атрибутом материи, а законы самоорганизации действуют на любых уровнях бытия [25]. Наука разрабатывает особую картину мира, которая может выступать нормой познающего мышления, и это обусловленная картина мира, она — в мире, а не над миром.

Для человека любая реальность выступает как психологическая данность в выражении свойств окружающего мира (окружающей среды), которые уже отражены, вычленены его сознанием из многообразия пространственных, временных, энергетических и иных объективных свойств и отношений окружающего мира. Наше мышление «о чем-то» всегда основано на чувствах относительно некоего объекта, очевидно, что мы чувствуем и оцениваем по мере того как воспринимаем и мыслим, — эти процессы нераздельны. Но само представление — это связующее звено между чувственной и рациональной способностью человека; это образ предмета объективной действительности, воспроизводимый в сознании без непосредственного присутствия самого предмета, без его воздействия на чувства. И если в рамках своей предшествующей истории человек сознательно или интуитивно исходил из примата общности над индивидом, общей истины над ее конкретным воплощением в каждой личной судьбе, то социальный опыт современного человека, его знания о мире куда более многообразны, противоречивы, «разорваны» [11, с. 10].

Коллективный образ мира является отправным пунктом изменений в социокультурной системе, именно этот набор скрытых культурных кодов вынуждает систему быть такой, какая она есть, и вести себя так, как она запрограммирована. Феномен массового сознания существует только при условии, что он реализуется в индивидуальных умах, и в этом наблюдается результат межиндивидуального обмена, но осуществляемые в этом процессы восприятия действительности, ее эмоционального и интеллектуального отражения, рефлексии о ней, выработка установок, мотивов, ориентаций и т.п., и образуют живую ткань этого сознания. Впрочем, здесь мы должны учитывать, что антропологический мир всегда чей-то мир. «Это мир мужчин или женщин, русских или американцев. Это не просто часть космологического или эпистемологического мира наблюдателя, это не “вещь в себе”, ибо он всегда релятивен определенным актам субъекта, выделяющим, придающим смысл определенным секторам окружающей действительности» [21].

© Бочарников В.Н., 2013

Бочарников Владимир Николаевич, доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН; 690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7; vbocharnikov@mail.ru

Здесь бесспорно, что человек, тесно связанный психологически с социально-культурной группой традиционного типа, отличается гораздо большей устойчивостью и определенностью своих взглядов и поведения. Индивидуализация как процесс означает рост автономии индивида, ставит его перед необходимостью самостоятельного выбора ценностей, ориентирующих его сознание и поведение. При этом происходит размывание традиционной модели группового человека, черпающего свои мотивы и знания, нравственные нормы и мировоззренческие установки из относительно устойчивых групповых культур. Так, на смену жестко ограниченной и однозначной социальной самоидентификации индивида приходит самоидентификация плюралистическая — человек отождествляет себя с разными группами, в перспективе — со всем человеческим родом. Человек в научном представлении — не просто живой организм, а сложная биосоциальная система с личностным механизмом регуляции своего состояния, и каждый из нас — обязательный элемент социальной макросистемы, субъект деятельности в единстве его индивидуальных свойств (единичное) и его социальных ролей (общее).

География всегда была наукой, обеспечивающей потребности общества в знаниях о пространстве его жизнедеятельности. Исследователи, берущие за основу феноменологический подход, изучают субъективную интерпретацию социальных ситуаций, а специалисты, работающие в социально-когнитивном подходе, изучают, каким образом люди обращают внимание на события своей социальной жизни, как интерпретируют и запоминают их [23, с. 34]. Гуманизация географии и ее связь с региональными науками (социология, экономика) происходит посредством интеграции и взаимодействия с философией и психологией, что обеспечивает тот базис, без которого ныне невозможно решать сложнейшие социально-экономические, эколого-географические и геополитические задачи развития информационно-инновационного общества. Здесь и могут быть отчетливо обозначены основные взаимодействующие сферы деятельности человека: природа, общество и индивидуальное мышление. Когнитивная же модель объекта формируется на основе «картины мира» индивида — особенностей его восприятия, установок, ценностей, интересов [26].

В психологии принято, что при анализе любой человеческой деятельности целесообразно соблюдать такое следование узнавания от потребности к мотиву, затем к цели и деятельности, при этом следует учитывать, что имеется еще достаточно общая для всех людей иерархия мотивов (потребностей). В потребностях его отражено множество различных отношений субъекта к предметам и условиям деятельности в рамках конкретных территориальных единиц разного масштаба, и следовательно, географическое пространство постоянно перекодируется сознанием в виде тех или иных географических образов [34, с. 16-17]. Современная качественная трансформация основ цивилизации и социальной природы общественных отношений, вариативность и ориентированность которых станет следствием осознанного выбора человека, носит характер бифуркации. Появляется особый геOVERSUM, признаваемый как главное «исследовательское поле» географии, где его эмерджентными свойствами являются природные условия, обеспечившие возникновение и существование жизни, в том числе и мыслящей, и, как следствие, социума [32]. Подтверждается многократно, что реальность многообразна и многослойна и познающее существо (человек) имеет дело лишь с некоторыми её характеристиками. Получает также свое подтверждение гипотеза о существовании множества когнитивных моделей как форм репрезентации жизни, основанных на феноменологическом тезисе о множественных реальностях (А. Шюц). Очевидно тогда, что и в науке в противовес идеалу единственно истинной теории, «фотографирующей» исследуемые объекты, должна допускаться истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них содержится момент объективно-истинного знания.

Любое познание начинается с того, что «вещи в себе» воздействуют на органы чувств; содержание же любого знания опосредовано потребностями духовной жизни конкретно-исторического общества, и только в этом бытие (продукт) и творение (деятельность) в своем единстве смогут образовать целое. В этом состоит смысл опредмечивания («материализации») в пространстве человеком своей индивидуальности, отождествление индивидом части окружающего пространства с самим собой, со своей личностью, что выражает индивидуальность человека, его уникальность, отличие от других людей. В своей основе научное понимание базируется на привязке объектов мира человеческого бытия к общественному целому, на фоне которого разворачивается действительность индивида. Тем самым оно основано на реконструкции инвариантных структур, данных в значениях следов человеческой деятельности, которые закреплены территориально и социально-исторически [27].

Любые представления о восприятии устройства географического пространства разрабатываются в современной географии с учетом концентрации на каком-нибудь одном звене цепочки формирования представлений (субъект, объект или определенный «угол зрения»), что включает опосредование определенным контекстом или традицией [16]. Принципиальной особенностью конструктивизма является то, что это продукт теоретизирования, абстракции, измышления; в основе своей таковые представляют что-то специально сделанное, сконструированное, но не наблюдаемое. Принимая, что к ассимиляционным процедурам научное познание прибегает всякий раз, когда его перестает удовлетворять разрозненность и противоречивость окружающей реальности, мы подтверждаем, что научными результатами будут рациональные концепты мышления (всеобщие понятия, категории), получающие объективное значение индивидуального исследователя, в том числе благодаря деятельности всех «функций души» — созерцания и воображения, предъявляющие предметное содержание рассудку... [24, с. 72]. Тогда и индивидуализм — это всего лишь доктрина, гласящая, что индивидуальное «Я» возникает и существует в одиночку как в идеальном представлении, так и в реальности.

В процессе деятельности каждый раз возникает проблема выбора некоторой линии развития из множества возможных путей эволюции системы. Действия человека могут быть сознательными, целенаправленными (территориальность и персонализация) или бессознательными (дистанция, ориентация, персональное пространство). Причем сам этот выбор необратим и чаще всего не может быть однозначно просчитан. Естественная последовательность действия такова: восприятие — синтез — проверка/действие — пересмотр, следовательно, разработка и проверка гипотез составляет наш прирожденный процесс, который многократно моделировался в когнитивных науках. Следует понимать человеческую индивидуальность как некое «сверхсистемное» качество и индивидуальность как поле представления человека о географической среде, существенным образом отличающееся от ее настоящей реальности [15, с. 24].

Очевидно, что такая ориентация современной науки на исследование сложных исторически развивающихся систем должна существенно перестраивать идеалы и нормы исследовательской деятельности. Допуская, что любая научная теория является системой абстракций, с помощью которых познается субординация свойств действительности, нам следует позаботиться о выражении позиций географической науки со всей возможной наглядностью и доказательностью. Ю.Н. Гладкий пишет, что представители философского подхода видели задачу географии в разработке методологических оснований направления (выяснение сущности «места», которое противопоставляется пространству и рассматривается как центр человеческого опыта определенной территории). Понимание же территориальности предполагает, что пространственная среда выступает в качестве объекта, которым управляют и который контролируют, что предполагает в методологическом плане как основу представления то, что мы создаем проекции социальных действий (управление и контроль) на пространственную среду (теория поля в географии) [30].

Географию можно рассматривать как науку, ставшую одной из основ в практической жизни людей, поскольку ее знание законов территориальной организации природы и общества стало фактическим «орудием» повседневной деятельности десятков миллионов людей на планете. Ныне существуют миллиарды созданных людьми предметов, в которых объективированы социальные и культурные смыслы, и это всегда может быть соотнесено с «территорией», внешней или внутренней, и есть еще и знание об этом, которое объективно закреплялось научным познанием за географией на протяжении тысячелетий. А.Д. Арманд пишет о том, что «на заре человечества информационная среда совпадала с ландшафтной. Основным источником информации была природа, от которой полностью зависела жизнь людей. С развитием общества происходило накопление вторичной, социальной информации, которая на сегодня играет определяющую роль в развитии отдельной личности и общества в целом» [3, с. 14]. Нам приходится учитывать и исключительную информационную насыщенность современной жизни, что заставляет задумываться о принципиальной возможности отдельного человека адекватно воспринимать все более усложняющуюся реальность. В географии отмечается: «Принципиальное отличие нового взгляда на меняющийся мир от традиционного состоит в том, что с концептуальных позиций географической науки пространство (географические пространства) приобретает временное изменение только тогда, когда оно превращается в поле взаимодействия различных движущих сил и компонентов природы и общества, когда возникают и развиваются населенные пункты, коммуникации и тем самым формируется пространство (среда) жизнедеятельности человека» [2].

Хорошо известно, что исторически конкретное индивидуальное развитие людей не может быть понято без анализа социальных и исторически типичных особенностей их внутреннего индивидуального мира — мотивационных, познавательных, эмоциональных процессов, характерных для определенных общественных условий и выраженных в структурах личности [4]. Пространственное мышление «сочетает в себе и процедурное мышление, это знание того, как надо действовать, и есть знание декларативное, т.е. совокупность прошлого опыта о тех или иных событиях и действиях [14, с. 50]. В антропологической парадигме должно и может признаваться, что территориальность является выражением агрессивной природы человека, будучи как результатом потребности в обладании какой-либо частью пространства и контроле над ней, так и средством достижения «прочного положения» в иерархии человеческого общества.

Такова антропоцентрическая логика, составляющая базис формулирования идентичности в любой сфере познания, и здесь следует учитывать, что невозможность персонализировать среду приводит у людей к чувству отчужденности от нее, ее чужеродности и, как следствие, к чувству незащищенности, неуверенности. Хотя социальная сущность человека не есть нечто неизменное, данное на все времена: образующая ее связь между людьми носит исторический характер, различные ее формы могут в той или иной мере как содействовать, так и препятствовать человеческому прогрессу. А.Д. Арманд дает общее заключение, что «...среда обитания человека теряет многие черты географической специфичности», констатируя, что меняется образ места, обезличивается не только природный, но и социальный ландшафт, кардинально изменились коммуникации, в целом «... набирает обороты процесс расширения для ментального пространства, в котором размещает свою деятельность рядовой индивид» [3, с. 12]. Можно согласиться с тем, что география человека способна изучать, рассматривать и предлагать комплексные решения, связанные с влиянием географической среды на жизнь человеческого общества, выявлять закономерности территориальной организации общества, взаимоотношений и взаимообусловленности природных и общественных территориальных систем [18]. Но как удастся в исследованиях создавать мысленные представления о внешней среде, и какие формы они принимают? Как восприятие соотносится с ощущениями в восприятии пространственной информации? Что принципиально отличает исследования от бытовой реальности?

Когнитивный процесс организуется с обозначением индивидуальных составляющих в системе взаимопроникновения элементов «природа — общество — человек», что придает смысл воспринимать его как один из самых сложных вызовов современной науке. Такое познание протекает как формальное конструирование в соответствии с принятым основанием, общим для всего многообразия. Образ принадлежит к числу универсальных способов представления знания, хотя восприятие может появляться и при отсутствии адекватного сенсорного воздействия. Известно, что сегмент представления рассматривается как элемент психологической реальности отдельно взятой личности, и в когнитивных науках изучаются ментальные (мысленные) карты, анализируются особенности кодирования в виде «мысленной картинки», вербальных формул, концептов, систем ассоциаций. Хотя собственно само понятие когнитивности включает в себя восприятие, оно — более широкое, принадлежит к числу тех психических процессов, посредством которых люди получают, сохраняют, интерпретируют и используют информацию, которая сама по себе и ее использование может быть объектом интереса для многих наук. Как и в любом психическом явлении, в образе принято различать форму и содержание. «Считая образ молекулой психики, — пишет А.П. Назаретян, — ее собственную историю следует начать с той стадии филогенеза, где впервые обнаруживается константное восприятие предметов» [22, с. 32]. Человек создает образы любого масштаба — от образа частиц до образа мира. И при этом очевидно, что в голове у нас нет никаких страниц, чтобы их можно было перелистывать — мы просто создаем или конструируем изображение.

Эммануил Кант, характеризуя мышление как деятельность соотношения созерцания к предмету, различал феномены и ноумены; и если предмет дается как многообразие феноменов (явлений), то под ноуменами предусматривалась вещь, которая не является объектом нашего чувственного представления. Иначе говоря, в образе может рассматриваться идеальное через способность личности иметь информацию в «чистом» виде, воспринимать ее и оперировать ею в пространстве и времени (Д. Дубровский). «Есть образы, которые можно выразить одним словом. Но существуют также образы рациональные по форме и чувственные по содержанию. Но есть и такие образы, для описания которых требуются целые произведения...» [1, с. 96]. Объем содержания образа практически безграничен, и таковые, оставаясь наглядными по форме, могут быть носителями любого рационального содержания. Интегральный образ в восприятии получается через отображение (проекцию) объекта по всем каналам отображения инвариантных характеристик среды.

Следовательно, основная функция любого обобщения (генерализации) в науке является процессом создания образов как составной части мысленного акта, существующего в виде впечатления, сложившегося от взаимодействия с объектом. Усиление свойств пространственного обобщения может происходить через схематизацию, в процессе которого представление постепенно теряет детали и индивидуальные признаки, а также путем организации типических образов (научных или художественных).

В истории науки реализовались два принципиально отличных ответа на вопрос о существовании объектов исследования в двух альтернативных мировоззренческих концепциях: (1) натуралистический подход полагает, что мир объектов знания независим от человека как субъекта познания, и (2) социокультурный подход полагает, что мир объектов знания конструируется самим человеком в процессе познания за счет представления изучаемого фрагмента объективной реальности в средствах данной науки. Образ восприятия — это всегда некоторый социокультурный проект [13]. В данном тезисе раскрывается то, что целевая причинность, понятая как характеристика саморегуляции и воспроизводства любой системы, здесь дополняется идеей направленности развития и возможностями восприятия человека. Следует отметить, что современная необходимость осуществления междисциплинарного подхода к восприятию человеком предметов и явлений географической среды объясняется осознанием того, что изучаемые проблемы далеко выходят за рамки строго очерченных предметов отдельных академических дисциплин (биологии, географии, психологии, когнитивной и региональной наук), более того, они включают в себя философию и искусство.

Интеграция знаний — важнейшая функция образа, и в образе одновременно присутствует все его содержание, он — симультантен. Последнее очень верно для теоретических представлений в науке, хотя известно, что, когда мысль для нас привычна и мы мыслим свернутыми образами, это происходит чаще всего в нашей повседневной деятельности, в быту. Но чаще всего такое впечатление является смутным в том смысле, что хотя образ и связан с объектом, но не является его копией, это — всегда конструкция. Географическое же знание отличается ярко выраженной многофункциональностью, будучи одновременно наукой и ненаукой (Ю.Н. Гладкий). По его мнению, при вхождении в контакт с другими науками имеет место своеобразный эффект взаимного «опыления» между географией, с одной стороны, и остальными научными дисциплинами — с другой, причем в роли главного «опылителя» обычно выступает гуманитарная география [10, с. 15]. Н.Ю. Замятина, подробно рассматривая различные подходы к изучению географических представлений, проводит их структуризацию (психологический, ментальный, культурный и лингвистический уровни). Она замечает, что, «когда речь идет об изучении общественных явлений, зачастую важнее знать представления “простого человека” о свойствах предмета, нежели собственно свойства этого предмета» [15, с. 27]. В географии сторонники психологического подхода уже делали ставку на «гештальтпсихологию» и когнитивную психологию, «которые, в свою очередь, базируются на феноменологии, предлагающей ставить в центр исследования восприятие явлений и анализ отношений между ними» [6].

Д.Н. Замятин в изложении своих положений об образе в географии пишет: «Пространственное мышление обладает известной целостностью. Для него верен принцип изоморфизма психических, нейрофизиологических и физических представлений, ведущий начало из гештальтпсихологии» [14, с. 31]. Но нередко в редуцированном представлении науки некий образ может сворачиваться и разворачиваться, и, чтоб придать образу ясность и четкость, субъект вынужден достраивать отсутствующие детали и признаки [1, с. 97]. И только в рамках гештальтпсихологии наиболее отчетливо проявилась идея о психических явлениях как целостностях, в контексте которых части неразрывно связываются друг с другом и приобретают новые, ранее не присущие им свойства (М. Вертхаймер). Тогда массовая информация (массовые стереотипы) интересна для моделирования типичного знания (какие-то знания, оценки и решения типичны для такой-то группы населения), в сегменте же культурных представлений интересны нормы и традиции о пространственной «норме». Происходит естественная смена фокуса внимания, и в результате возникает новый гносеологический образ, новый «гештальт» [7].

Проблема познания структурно сложной проблемы природы человека должна рассматриваться на основе концепций целостного сознания (идея синтеза чувственного и рационального, природного и культурного, сознательного и бессознательного, личностного и коллективного в природе «Я») и психосимволического единства личности. Это позволяет соотнести разные планы человеческого бытия (социальный — личностный, коллективный — индивидуальный) и грани опыта, устанавливая

между ними системную взаимосвязь и не нарушая логики внутренней целостности, что нереалистично добиться на более или менее постоянной основе [20]. Исследования в когнитивных науках показали, что существует связь между «картиной мира» и «объектами» как элементами картины мира, между «внутренним» и «внешним» порядком, убедительно показав, что представления о реальности и объективные характеристики реальности — это не одно и то же. В этой связи объясняется факт, что в науке основная причина использования в ней редуцированных представлений заключается в том, что объект исследования становится все более сложным, а методологические возможности исследований по-прежнему ограничены. А чем важна и что такое научная теория?

Определимся, что это система абстракций, при помощи которых познается субординация свойств действительности. И, рассматривая геопространство как множество соразвивающихся геосистем различных уровней, можно прийти к пониманию фундаментального свойства — дискретности и континуальности географии пространства и времени в ее приложении и к исследованиям человека через своеобразный опыт культурно-исторического восприятия [4]. Геопространство, скорее, будет «месторазвитием» различных видов общественной деятельности, равно как и природных процессов, придавая им специфические, геопространственные формы [33]. В этой парадигме ярко проявляется акцент внимания на инструментально-когнитивные средства познания, который появился в связи с изучением структуры и методологических особенностей технического знания и, — далее — выявления роли техники в становлении новых форм социокультурной реальности. Конечно, для исследования данного качественно особенного межинтеграционного многоуровневого иерархического процесса, возникающего на стыке социокультурных, природных, политических и иных явлений, необходимо подобрать особый инструментарий. Здесь коэволюционная стратегия позволяет преодолеть разрыв между эволюционистским подходом к природе и эволюционизмом относительно человека, наметить пути синтеза между эволюционизмом в биологии и эволюционизмом в социокультурных науках и географическим детерминизмом.

Цель любого познания сводится к усвоению, схватыванию базовых структур, понимается как «выведение или сведение знания к исходным самодостовверным положениям» [1, с. 94-95]. И человек — это, прежде всего, интерпретирующее существо, и в рабочем исполнении данного призыва можно указать, что субъект науки может успешно использовать процедуру отождествления через метафору, что верно с методологических аспектов остается для любой науки. Существенно здесь, что фундаментализм, указывая на ассимилирующую роль основоположений, позволяет охватить единым концептом разнообразное эмпирическое содержание любой науки. Ю.Н. Гладкий рассматривает вопросы эволюции методов и познавательных средств в гуманитарной географии; он выделяет следующие уровни: философский, исторический, социологический, географический, политический, экономический, естественнонаучный, технический, экологический, кибернетический и т.п., каждый из которых дает возможность интегративного взаимодействия [9].

Представляется, что в современных условиях как относительно более целостные следует выделять и изучать территориальные социально-экономические системы разного уровня: от локальных до районных, причем достигаемый при этом эффект систематизации выступит «в качестве синонима его теоретичности» [1, с. 91-92]. Вспомним, что важным тезисом конструктивизма, развитым в феноменологии, является тезис о том, что «чистых» фактов не существует вне опыта. Согласимся, в самом общем виде, что главный объект географии (в том числе гуманитарной) — корреляционные отношения (связи, взаимодействия, циркуляция, кругообороты, потоки, системы), приуроченные к конкретной пространственной арене, имеющие, как правило, сложный, интердисциплинарный характер, не сводящиеся к парным отношениям объектов, выходящие за пределы микромира и фактически остающиеся вне компетенции парциальных отраслей научного знания.

Принцип идентификации, на котором покоится метафора, позволяет вскрыть, обнаружить у прототипа неизвестные свойства, тем самым способствуя порождению новых познавательных ассоциаций. В отличие от структурализма, для конструктивизма нет «объективной реальности», отдельной от наблюдателя. Безусловно, экономикогеографы должны и могут активно работать в направлении разработки теории и методики изучения потребительского спроса как проекции образа жизни и достоинства человека, который формируется в специфической региональной социокультурной, духовной и природной среде [28].

П.Я. Бакланов считает, что фундаментальную базу социально-экономической географии обозначают ее задачи — изучение структур функционирования, устойчивости и развития территориальных социально-экономических систем разных уровней, типов, размеров и т. п. Здесь

метафорическое уподобление (или метонимия) позволяет вычлениить новые свойства из объектов, структурировать и контролировать окружающее разнообразие. Как объект анализа и управления в региональной экономике и социально-экономической географии будут многоуровневые территориальные структуры хозяйства как двухслойные образования, состоящие из сетевых пространственных сетевых структур, понимаемых как взаимодействующие территориально компактные предприятия, компании и их локальные сочетания (и инфраструктурные элементы) в пересекающихся территориальных зонах влияния и рыночного представительства. Параллельно должна учитываться происходящая смена представлений об изменяющемся образе жизни современного общества. Исследования во многих направлениях познания социально-экономических территориальных систем в виде наиболее общих закономерностей и выводов трансформируются в теоретическую географию и служат новой базой исследования в рамках социальной и экономической географии [5].

Современное географическое мировоззрение представляет мозаику ценностных ориентаций, отражая сосуществование различных субкультур. При этом знания и информация становятся основными факторами социальных и политических изменений, а человеческие отношения заменяются интерактивной коммуникацией. В основе их формирования и развития лежит формирование и развитие различных звеньев территориальных структур хозяйства. Но В.Н. Стрелецкий обозначает, что современная российская «нефизическая» география («общественная география», «география общества», «география человека», «география человека и общества», «география человеческой деятельности», «социально-экономическая и гуманитарная география» — об оптимальном названии можно спорить) уже существенно выходит за рамки исследовательского поля прежней, «усеченной» социально-экономической географии [28]. Кроме этого, происходит взаимообогащение ветвей географической науки: в ее «рамках» появилось представление о многослойности и полиструктурности географического пространства и обозначения особого поля с «вычлениением» социально-географического пространства, континуальных и дискретных его свойств, пространственных связей и взаимодействий [33]. Содержание нового исследовательского опыта оформляется сознанием в различные когнитивные конструкторы и существует как модусы сознания, выраженные в различных и многих позициях социально-экономической географии. Именно научная метафора (ТОО, ТСЭС, ТОЛ, ТОС и др.) позволяет ввести в фокус исследований, вскрыть, обнаружить у прототипа неизвестные свойства, тем самым способствуя порождению новых познавательных ассоциаций в развитии теории социально-экономической географии. Представляется, что в географии в целом и в социально-экономической географии фундаментальные основы знаний также формируются в ходе изучения различных географических структур, которые существуют объективно в исследовательском процессе [5].

В отечественной практике именно социально-экономическая география традиционно занимается изучением закономерностей пространственной организации географических явлений и естественно-социальных феноменов различной природы и разного генезиса. При этом география человеческой деятельности является важнейшим фактором в современных условиях, который определяет характер и направление масштабных изменений во всех регионах планеты. Сейчас есть хорошо доказуемое мнение о том, что географическая картина мира представляет собой картину единого мира в его экологическом аспекте, отражающем общие свойства и закономерности системно-структурного взаимоотношения мира природы и мира человека [19].

Научное пространство экономической географии устраняет четкие границы, и для сохранения данной тенденции следует поощрять междисциплинарный подход для модернизации теоретико-методологических и концептуальных представлений и процессов. Как отмечает М.А. Розов, научная реальность рассматривается как имеющая куматоидную природу: каждая программа имеет свою область реализации, свое объектное поле, «скользит», «катится» по своему материалу. Здесь «суть в том, что естествоиспытатель, как правило, «видит» природу, но не замечает тех социальных программ, в которых работает и следы которых как раз и образуют то, что он видит. В большинстве случаев это столь же удобно, как смотреть кинофильм, забывая о технологии создания изображения на экране» [17].

Человек — это система, и способности и потребности его будут свойствами ее в процессе достижения нужных условий человеческой жизнедеятельности. Историчность системного комплексного объекта и вариабельность его поведения необособимы от контекстов индивидуального человека, что предполагает широкое применение особых способов описания и предсказания его состояний. Так обозначается новая грань понимания феномена идентичности, в своей сложности

превращающейся в один из ключевых исследовательских сюжетов многих наук, и прежде всего психологии, этнологии, социологии, политологии, а сейчас и географии. Считается, что лишь сознание выявляет глубинные структуры, в которых происходит формирование смыслов. Они функционируют в процессах осознания конкретных людей, индивидуализируются и субъективируются, становятся личностным смыслом. Так, значения приобретают качество «пристрастности» (А.Н. Леонтьев). Они реализуются через смыслы либо объективные, либо субъективные, т.е. личностные. Как и в любой системе, многообразие, устойчивость и теснота связей в человеке позволяют формировать уникальные для каждого человека комплексы способностей и потребностей, и его специфика структурно-функционального устройства отражает, каким образом некий индивид через свои проявления актуализируется в природном, социальном и духовном.

В смежных с географией дисциплинах как носители идентичности рассматриваются различные группы людей (этнические, конфессиональные, расовые, гендерные, возрастные, сословные, профессиональные, корпоративные и т.д.), не представляющие собой территориальных общностей как таковых. Системное действие должно быть понимаемо как формирование и удовлетворение потребностей человеком, что предопределяет некое поведение (этот исследовательский аспект входит уже в сферу деятельности поведенческой и культурной географии). Интеграция проявляется в наличии связей и сопряжений между отдельными компонентами одного слоя и между компонентами разных слоев. При этом в каждый конкретный момент существования каждый человек выступает как единство трех своих ипостасей (организма, личности и души), специфические потенциалы которых реализуются в его мироотношении. В этом смысле они являются частью его физиологии, животных функций организма — в той же мере, как и частью среды — окружающей физической и социальной ситуации.

В диалектике возникновение любых объектов и систем и изменение их свойств во времени имеют свои основания в предшествующих состояниях, следовательно, в современных условиях, когда человечество превратилось в глобальную целостность, навязывание всему миру ценностей потребления, свойственных одной, пока доминирующей цивилизации, грозит деградацией планетарной цивилизации. Сейчас, бесспорно, установлено, что главной причиной кризиса современного общества является противоречие между материальными потребностями и духовными ценностями бытия общества. В цифровом мире образ мира, отношение к нему создается через фрагменты-экраны, фрагменты-мониторы, фрагменты-окна (Windows), и тем самым в глобализирующемся мире оказываются нарушены межличностные отношения, переведенные в виртуальную сферу [29].

Общество все более разделяется на корпоративные группы со своими правилами поведения и ценностями, впрочем, выход из кризиса, возможный на путях диалога различных культур, не исключает обращения к духовным ценностям прошлого. Но если в Новое время наука, проникнутая идеями рационализма, «автономии» разума, разрушала целостность картины мира, космоса, то современная действительность утвердила в душе современного человека двойственность, обусловленную мнимой необходимостью выбора между религиозной верой и научным сознанием. Многими западными географами считается, что изучение психики — не только прерогатива психологической и биологической науки, но и через ее гуманитарную составляющую очень важно для географии.

В.Н. Стрелецкий замечает, что в западной Human Geography сосуществует несколько конкурирующих мировоззренческих парадигм, а ее различные идейные и концептуальные направления имеют, по сути, разный теоретико-методологический фундамент и, соответственно, очень разнообразный методический аппарат. Выросшая из лоно антропогеографии с ее идеографичностью, антропоцентризмом, холизмом, вниманием к проблеме «человек и среда», с ее замечательными, богатейшими традициями историко-географического синтеза, западный неблизкий аналог — Human Geography еще в середине XX в. вступила в этап быстрой теоретизации [28].

Здесь очевидна и включенность продуктов психической активности (психических образов и состояний, психологических свойств и др.), что позволяет говорить о мультифакторной вертикальной их детерминированности или, как следствие этого, множественности переменных, которые следует учитывать в исследованиях. А.Д. Арманд делится интересным предвидением: «В еще не существующей будущей парадигме феномен человека — от индивида до земного сообщества — будет не исключительным, парадоксальным для науки явлением, а ее закономерной составляющей, звеном в цепи всеобщих связей. Увязший, было, в психологическом бездорожье географический бихевиоризм обретет крылья» [3, с. 14].

Значения преломляют мир в сознании человека, и психологические функции человека следует обозначать через совокупность событий между человеком и его окружением. Задача человека-исследователя состоит в том, чтобы раскрыть возможности как объективные значения и воплотить в них личностный смысл. В философии конструктивизм представляет собой подход, согласно которому всякая познавательная деятельность является конструированием на основе опыта взаимодействия с миром и зависит от мотивации субъекта познания, языка описания, операциональных средств и т.п. Это активно развивающееся направление и в географической науке, провозгласившее своей философской основой феноменологию, а методологической — герменевтику, оно фокусирует внимание на процессах восприятия и осмысления человеком (отдельными людьми и их группами) окружающего географического пространства. Основываясь на этом, выделим для географии социально-психологический уровень человека, что составляет самую существенную часть психологии человека, а также предполагает те параметры человека, которые формируются и проявляются только во взаимодействиях индивидов в группах людей.

Конечно, здесь следует различать множественный смысл действия рассматриваемого в географии восприятия, варьирующего от построения и представления понятий восприятия, заимствования аналогий изоморфизма из геометрии и логики до обоснования особых — организующих, структурирующих, формирующих и образных аспектов миропонимания и самосознания, что объясняет в конечном итоге многообразную культуру общества и еще более разносторонние личностные особенности субъекта познания постоянно меняющейся мозаикой его «картины мира». Это кардинально поменяет представление о случайности и необходимости, что целиком относится к вопросам теории социально-экономической географии.

Рассматривая возможности географии, мы способны в добавление к часто упрощаемой (редуцированной) схеме территориальных зависимостей в психологии, где принципиально признается, что у человека лишь наличествует рефлексия как направленность познавательной деятельности на свои собственные акты и, как следствие, наличие у человека «образа мира» (А.Н. Леонтьев), мы объясняем, что такая структурированность и сложность верна для психологических феноменов, которые не менее выразительны, чем закономерности территориальной организации, рассматриваемые социально-экономической географией. Именно посредством этого продолжится глубокая гуманизация географической науки, что полностью соответствует переходу наиболее развитых обществ мира с индустриального на постиндустриальный этап развития.

И, справедливо критикуя сциентистский подход за объективизм и позитивизм, мы сможем показать возможность изучения внутреннего мира человека, ввести в географический дискурс категории понимания, вживания, сопереживания, слитности «субъекта» (индивида) и «объекта» (окружающего мира). Легко прогнозируется, что география будущего, скорее, будет заниматься не столько реальным, сколько различными виртуальными пространствами, создавая карты, наиболее подходящие для некоей ментальной реальности. Впрочем, важно также, чтобы образное понятие «геопространство» и геопространственный подход все активнее внедрялись в самые разнообразные сферы психологического и социологического анализа. Здесь конституирование смыслов мира и себя проявляется как активная творческая потенция, именно креативная, созидаящая, жизненная. В философии давно известно, что с каждым новым «общественным поворотом» рождаются все новые и новые образы человека, каждая эпоха рисует свое понимание человека, и человек стал задумываться над тем, кто он собственно такой, уже тогда, когда он едва научился выражать свои мысли и чувства посредством знаков и символов.

Философские и методологические искания резко усиливаются в любой науке, когда она входит в период сомнений в эффективности своего исследовательского инструментария и правильности постановки самих фундаментальных задач, подлежащих решению соединенными усилиями научного сообщества. Очевидно, что в рассмотрении, к примеру, субъектности региона (индивидуального своеобразия пространственно-временной модели, специфики бытийных механизмов, структуры социума и т.д.) следует подробнее останавливаться на изучении базовых элементов его культурного фонда и, следовательно, на изучении регионального менталитета [3]. Развертывая сию аналогию на широкий спектр исследовательских вопросов социально-экономической географии, мы получаем ситуативное объяснение, что, очевидно, современная ситуация в исследованиях территориальных социально-экономических систем явилась следствием как проявленного, так и не «выраженного» скрытого социально-экономического развития мирового сообщества, ориентированного на технократические цели, ценности и материальное потребление, отодвинувшего на второй план духовные факторы существования как отдельного индивида, так и общества в целом [8; 12; 31].

Библиографический список

1. *Абрамова Н.Т.* Идея генерализации как один из модусов философии // *Философия природы сегодня*: пер. с польского языка. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 85–129.
2. *Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д.* Пространственно-временная парадигма в географии // *Географический вестник*. 2005. № 1–2. С. 11–14.
3. *Арманд А.Д.* География информационного пространства // *Известия РАН. Серия Географическая*. 2002. № 1. С. 10–14.
4. *Асмолов А.Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд. М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2007. 528 с.
5. *Бакланов П.Я.* Структуризация географического пространства — основа теоретической географии // *Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: материалы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. С. 12–21.*
6. *Бочарников В.Н.* География, гештальт и ГИС-технологии // *Психология и экономика*. 2012. Т. 5. № 2. С. 103–119.
7. *Бочарников В.Н.* Феномен гештальта в парадигме социально-экономической географии // *Астраханский вестник экологического образования*. 2012. № 3. С. 54–63.
8. *Бочарников В.Н.* Человек в реальности проекций: учеб. пособие. Владивосток: Морской гос. ун-т, 2011. 332 с.
9. *Гладкий Ю.Н.* Методы и познавательные средства в гуманитарной географии // *Региональные исследования*. 2009. № 2. С. 3–13.
10. *Гладкий Ю.Н.* Об эффекте «перекрестного опыления» в географии // *Известия РГО*. 2010. Т. 142, вып. 2. С. 7–15.
11. *Голд Дж.* Психология и география: Основы поведенческой географии: пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 304 с.
12. *Губин В.Д., Некрасова Е.Н.* Философская антропология: учеб. пособие. М.: ФОРУМ, 2008. 400 с.
13. *Дирин Д.А., Попов Е.С.* Оценка пейзажно-эстетической привлекательности ландшафтов: методологический обзор // *Известия Алтайского гос. ун-та*. 2010. №3–2. С. 120–124.
14. *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
15. *Замятина Н.Ю.* Концептуальные основы изучения региональных образов // *Региональные исследования*. 2011. № 2. С. 24–35.
16. *Замятина Н.Ю.* Представления об устройстве пространства как контекст формирования образов субъектов Российской Федерации. (На примере анализа текстов их официальных сайтов) // *Известия РАН. Серия Географическая*. 2006. № 4. С. 59–60.
17. *Зуев В.В.* Проблема реальности в биологической таксономии: автореф. дисс... д-ра филос. наук. Новосибирск, 2008. 48 с.
18. *Исаченко А.Г.* Кризис географии человека: причины и поиски выхода // *Известия РГО*. 2012. Т. 144, вып. 4. С. 30–32.
19. *Колосова О.Ю.* Экологическая картина мира в культуре современного информационного общества: автореф. дисс... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2009. 45 с.
20. *Леонтьев Д.А.* Личность в непредсказуемом мире // *Методология и история психологии*. 2010. Т. 5, вып. 3. С. 120–140.
21. *Марков Б.В.* Философская антропология: учеб. пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
22. *Назаретян А.П.* Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
23. *Новейшая психологическая энциклопедия*. СПб.: Еврознак, 2008. 575 с.
24. *Огурцов А.П.* Философия природы как онтология // *Философия природы сегодня*: пер. с польского языка. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 52–85.
25. *Петренко В.Ф.* Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // *Вопросы философии*. 2011. № 6. С. 75–81.
26. *Плотинский Ю.М.* Модели социальных процессов. URL: <http://www.huminst.ru/lib> (дата обращения: 15.12.2012).
27. *Сергеева Э.А.* Социальное взаимодействие как основа построения социальной реальности: социально-философский анализ. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-5-2011/philosophy/sergeeva.pdf> (дата обращения 10.11.2012).

28. *Стрелецкий В.Н.* Культурная география в странах Запада и России: пути формирования и современная самоидентификация // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: материалы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. С. 257–266.

29. *Тронина Л.А.* Экологическая ориентация сознания как фактор современного мировоззрения: автореф. дисс... д-ра филос. наук. М., 2009. 46 с.

30. *Трофимов А.М., Рубцов В.А.* Теория поля и устойчивая структура геоформаций // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. Серия Естественные науки. 2006. Т. 148. Кн. 2. С. 171–179.

31. *Философская антропология. Человек многомерный: учеб. пособие для студ. вузов / под ред. С.А. Лебедева.* М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 351 с.

32. *Шальнев В.А.* Проблемы взаимодействия общества и природы: взгляд географа. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. 110 с.

33. *Шарыгин М.Д.* Основные направления фундаментализации социально-экономической географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: материалы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. С. 144–149.

34. *Щитова Н.А.* География образа жизни: теория и практика регионального исследования. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. 292 с.

V.N. Bocharnikov

GEOGRAPHICAL KNOWLEDGE AND IMAGES OF PERCEPTION OF RESEARCH IN THE HUMAN GEOGRAPHY

Consider individual aspects of the perception of geographical space, discusses the need to integrate the phenomenological and constructivist approaches in developing relevant theoretical aspects of the human geography.

К е у в о р д с : personality; geographic image; perception; geospace; the theory of human geography

Vladimir N. Bocharnikov, Doctor of Biology, Professor, Leading Research Associate of Pacific Institute of Geography; 7 Radio, Vladivostok, Russia, 690041; vbocharnikov@mail.ru

УДК 325.1

Л.Ю. Кочеткова

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ: ПОНЯТИЕ, УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье обобщается опыт исследования транснациональной миграции, полученный отечественными и зарубежными учеными. Описаны новизна явления, условия его развития, а также его последствия как для стран выхода, так и для стран следования мигрантов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : транснациональная миграция; транснационализм; транснациональное социальное поле; мигранты; страны выхода; страны следования.

Понятие транснациональной миграции

Передвижения иммигрантов между странами выхода и следования существовали всегда, однако в последнее время они достигли критической массы и сложности, так что ученые заговорили о возникновении нового явления — транснациональной миграции, или транснационализма. Первоначально под транснациональной миграцией понимались «процессы, с помощью которых иммигранты создают и поддерживают многочисленные социальные отношения между странами

© Кочеткова Л.Ю., 2013

Кочеткова Людмила Юрьевна, соискатель по кафедре социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; seg@psu.ru